

В. Н. БОЛЬШАКОВ,

академик РАН, первый заместитель председателя

Р. С. ГРИНБЕРГ,

*директор Института международных экономических
и политических исследований, доктор экономических наук, профессор*

СИТУАЦИЯ НЕ БЕЗНАДЕЖНА

В конце 1980-х годов мы хотели построить гражданское общество, социальную рыночную экономику, плюралистическую демократию, и надо сказать, что сегодня довольно далеко находимся от тех целей, которые перед собой ставили. Но, тем не менее, отчаяние — это грех, данная истина бесспорна, и есть такие вопросы, которые не имеют ясного ответа. Мы не можем заниматься только выяснением того, кто виноват, иначе есть риск упустить будущее.

В российской экономике можно выделить три направления. Первое — «школа отчаяния», объединяющая экспертов, которые считают, что Россия стремительно движется к своему концу, деградация неизбежна, и это надо принять как данность. Второе — «школа мышления», официозного оптимизма: ее

последователи утверждают, что все могло быть намного хуже, и только благодаря нашим героическим действиям ситуация выглядит более или менее сносно. И третья школа, к которой я отношу себя, — «рационального пессимизма» или «рационального оптимизма», которая, к сожалению, не имеет серьезного влияния на реальную политику. Однако есть один закон: если вы не будете раздражать власть, то у вас нет никаких перспектив для улучшения политики. Так что это нужно делать все время, причем честно, и не ради критики, а для того, чтобы действительно улучшить ситуацию.

Каково положение России в мировой экономике, с какими проблемами приходится сталкиваться и что в связи с этим надо делать? Разумеется, я буду говорить о том, что

предпринимает правительство, то есть те, кто принадлежит к школе так называемого официального или официозного оптимизма. Ни у кого не вызывает сомнений, что в последние 15 лет роль России в мировой экономике резко снизилась, на это указывают различные индикаторы. Так, наш валовой внутренний продукт составлял, по разным подсчетам, 5 %, сейчас — 2,6 %, наш удельный вес в торговле наукоемкой продукцией по разным оценкам равен 1 %, мы регистрируем в 100 раз меньше патентов, чем США. Опять-таки все признают, что имеет место примитивизация производства, она не приостановлена даже в связи с его ростом в течение последних пяти лет, и деинтеллектуализация труда. Ножицы между еще хорошим образованием и примитивным производством становятся все шире, экспорт капитала для помощи западным странам продолжается, как и экспорт самого лучшего, что у нас есть, я имею в виду выпускников университетов. Считается, что каждый отъезд дипломированного специалиста — это потеря возможного вклада в прирост валового внутреннего продукта — примерно 800 тысяч долларов. Структура экспорта также становится все более примитивной, на 7–8 товаров приходится 90 % валютной выручки. Есть ли положительные моменты? Преодолена изолированность страны от мирового хозяйства, а также монополия на внешнеэкономические отношения. За последние 10 лет некоторые наши бизнесмены овладели правилами мировой торговли и бизнеса и достигли выдающихся успехов. Другое дело, что результаты этих успехов неравномерно распределяются среди населения.

Сегодня мы находимся на пороге важных исторических решений. Если говорить четко и определенно, не искажая сущности, то у нас есть возможность превратиться в Нигерию, где валютные резервы распределяются между 10–15 % населения, или в Кувейт, где валютные резервы распределяются среди всего населения, — но, разумеется, это невозможно. Значит, даже при самой хорошей конъюнктуре цен на топливно-сырьевые товары мы и в перспективе не можем покинуть ловушку примитивного производства и деинтеллектуализации труда. В сущности, через некоторое время нам не нужно будет столько университетов и высших школ. Правительство относится к этому, к сожалению, спокойно, и реформы, которые оно проектирует, в каком-то смысле связаны именно с таким развитием событий.

Обе названные выше школы (кроме «школы отчаяния») выступают за модернизацию

российской экономики, что предполагает ее диверсификацию. Но какие средства предлагает для этого правительство? Оно считает, что прежде всего нужно наладить инвестиционный климат, затем обеспечить равенство всех перед законом, далее — антимонопольное регулирование, потому что монополизация — одно из самых серьезных заболеваний российской экономики, причем злоупотреблениями занимаются не только естественные монополии. А потом предлагаются действия, которые я считаю абсолютно контрпродуктивными. Первое — снижение налогового бремени для потенциальных инвесторов — неправильная постановка проблемы в принципе, экономическое развитие в России имеет односторонний характер не потому, что налоги высоки (в среднем они ниже, чем во всем мире), а только потому, что наша экономика слишком либерализована, нет четких задач, ясной структурной политики. Второе — правительство прямо указывает на то, что социальная сфера должна быть приватизирована. Мотив такой: есть Бразилия и есть Россия, страны с почти одинаковым населением, но в нашей стране намного больше театров, университетов, научных учреждений, больничных коек, а толку от этого нет, потому что валовой внутренний продукт на душу населения примерно одинаковый. Таким образом, ставится задача сбросить с себя бюджетную ответственность, и новый закон о самоуправлении еще более усугубляет ситуацию.

Многие либеральные интеллектуалы в России говорят о том, что русская интеллигенция вообще не должна существовать, потому что именно она виновата и в страшной революции 1917 года, и в перевороте 1991-го. Во многом это утверждение правильное — с точки зрения оценки действий, поведения. Но, с другой стороны, никто, кроме интеллигенции, не «рождает» знания. Однако правительству нужны так называемые интеллектуалы, причем такие, которые могут себя хорошо «продавать». Что мы имеем сейчас? В России есть сильная традиция рационального мышления, есть тяга к учебе. Но если их не поддерживать государственной активностью, то через 5–6 лет научно-технический потенциал перестанет существовать. Если в середине 1980-х годов в стране производилось 160 пассажирских самолетов, то сейчас — шесть. Что происходит на Западе? Если, например, произведен самолет «Боинг», то каждый может его купить, ничего не платя, потому что существует экспортно-импортный банк. Это простая мера, которая должна быть в нормальном

государстве. У нас ничего этого нет, потому что имеется установка на силы саморегулирования и фундаментального либерализма.

Каковы должны быть политические меры? Мне думается, что в любом случае следует изменить политическую систему, передав некоторые полномочия от президента премьер-министру, чтобы было больше ответственности перед народом. Что касается СНГ,

то здесь ситуация не столь безнадежна. Прimitивизация производства свойственна сейчас не только России, но и Украине, Белоруссии, Казахстану, и в рамках единого экономического пространства — я это называю интеграцией последней надежды — имеются реальные шансы для того, чтобы совместно оживить те наукоемкие производства там, где это еще возможно.